

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

П.С. Гуревич, А.С. Нилогов DOI: 10.7256/1999-2793.2014.8.12025

РАЗВИЛКИ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (БЕСЕДА А.С. НИЛОГОВА С П.С. ГУРЕВИЧЕМ В РАМКАХ ПРОЕКТА «КТО СЕГОДНЯ ДЕЛАЕТ ФИЛОСОФИЮ В РОССИИ»)

Аннотация. *Беседа А.С. Нилогова с П.С. Гуревичем посвящена современным трендам отечественной философской антропологии. Речь идёт о работах В.А. Кутырёва и Ф.И. Гуренка и других философов, связанных с этой темой. Каждый из авторов отстаивает определённую, ясно обозначенную позицию в философском постижении человека. В.А. Кутырёв выступает последовательным критиком инновационизма в том варианте, который предложен трансгуманизмом. Он доказывает, что в современной культуре обозначилось влечение к смерти и это представляет угрозу для человечества. Ф.И. Гуренок, позиционируя себя в качестве археоавангардиста, предлагает собственную версию тех концепций, которые сложились в истории философии и отражают интерпретацию человека. В разговоре отмечается, что следует расширить диапазон самой тематики, обсудить исторические судьбы русской философии, охарактеризовать возможное влияние философии на современные элиты.*

В дискуссии используются методы исторического анализа, помогающие выявить тенденции в осмыслении философско-антропологической темы. Применяется также герменевтический подход, позволяющий истолковать современную ситуацию в отечественной философской антропологии.

Новизна дискуссии в том, что её участники стремятся понять направленность философской рефлексии, сопряжённой с постижением человека, выявить её основные проблемы, сопоставить позиции, позволяющие уточнить смысл полемических расхождений.

Ключевые слова: философия, философская антропология, человек, влечение к смерти, художественная литература, «смерть человека», безумие, трансгуманизм, технологические проект, киборг.

– Что вы можете сказать о современной русской философии? Следите ли вы за её трендами? И каких наиболее авторитетных представителей можете назвать?

– Я стараюсь следить за тем, что пишут специалисты, изучающие русскую философию. Все издания, которые претендуют на освещение русской темы, в том числе работы М.Н. Громова, В.К. Кантора, М.А. Маслина, находятся в поле моих интересов. Исследования этих авторов я рецензировал на страницах журнала «Философия и культура», главным редактором которого являюсь. Позволю себе выделить трёх философов, которые, как мне кажется, внесли значительный вклад в обогащение русской философии — Владимир Вениаминович Библихин, Валерий Александрович Подорога и Григорий Соломонович Померанц. Когда десять лет назад скончал-

ся В.В. Библихин, я решил написать некролог. Оказалось, что ни в одном справочнике о нём нет ни слова. Это был скромный человек, не входивший ни в какие советы, не сидевший в президиумах. Сейчас, после его кончины, издательства выпускают книги за книгой, которые характеризуют его как выдающегося русского философа. Мы привыкли связывать с этим именем переводы работ М. Хайдеггера. Но ведь В.В. Библихин в своё время был литературным секретарем А.Ф. Лосева. Он, как известно, в 1990-е годы издал свои беседы с этим великим мыслителем. Несомненно, В.В. Библихин — яркий представитель лосевской школы. Именно ему мы обязаны тем, что читаем по-русски переводы философов-досократиков, основные богословские тексты св. Григория Паламы. Бозэция Дакийского, Николая Кузанского. Прекрасно помню 1990-е годы, когда «Литератур-

ная газета» публиковала статьи о русских мыслителях. Его анализ творчества К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова заслуживает самой высокой оценки. В 1990-е годы Владимир Бибихин издал сразу целую серию книг: «Язык философии», «Мир», «Новый Ренессанс», «Слово и событие» и «Узнай себя». В последней из этого списка работе он размышляет о работе Н.А. Бердяева «Судьба России». В.В. Бибихин отмечает, что бердяевское понятие «космической общности» могло бы служить путеводной нитью в теме узнавания себя. Он подчёркивает, что наша мысль бьётся в припадке и не выдерживает невыносимого вызова. Здесь же в этой книге об ужасе, в который оглядываются одинаково Гоголь и Достоевский, поразительная по своей глубине трактовка подвига Бориса и Глеба, который через жертвенность не раз спасал Россию. В книге «Другое начало» Владимир Вениаминович затронул вопросы почвы и культуры, российского византизма, безотцовщины и возвращения отцов. Он сделал попытку разобрать непрояснённую основу русской государственности, поставил проблему православия. Отдельные главы трактуют самобытность пушкинского поэтического мира, пушкинскую трактовку эпохи Петра I, отношение русской поэзии к деспотической власти. В.В. Бибихин обратил особое внимание на историко-философские анализы и пророчества Гоголя, Чаадаева, Леонтьева, Достоевского, Соловьёва.

Книга В.А. Подороги «Мимезис», казалось бы, не связана напрямую с обычной исследовательской работой в области русской философии. Однако уже с середины 1980-х годов философ подбирается к тщательному анализу русской и советской художественной классики. В.А. Подорога пытается проверить, можно ли сколько-нибудь удачно применить технику антропологического анализа к явлениям литературы и искусства. К концу 1990-х годов, как отмечает сам В.А. Подорога, сформировалась цель — на материале одной из ведущих традиций русской литературы XIX–XX веков (Н. Гоголь, Ф. Достоевский, А. Платонов, А. Белый, Д. Хармс и А. Введенский), которую он определил как *другую*, или *экспериментальную*, отделяя он так называемой «придворно-дворянской, или «классицистской» литературы, литературы образца, проследить становление идеи *произведения* (литературного). Речь идёт о конфликте между двумя доминирующими формами мимезиса (а если шире, то двумя видениями мира). Характерно, что В.А. Подорога не ставит под сомнение эффективность тех методов исследования, которые использовались пре-

жде. Однако нельзя не отметить существенный вклад в феноменологию русской философии, который осуществлён В.А. Подорогой. Он показал, что антропологический подход позволил обнаружить следы порядка там, где как будто утверждался хаос и беспорядок. Философ, в частности, показал, что ни сатира Просвещения, ни мягкая и умная ирония немецких романтиков, их философичная рефлексивность не сопоставима с гоголевской доктриной «всеобщего смеха». Таких глубинных открытий в книге «Мимезис» полно.

Григорий Соломонович Померанц определял своё творчество как религиозную философию, философию всеединства. Хотя он был автором диссертации о Достоевском, изъятый в своё время органами власти, стиль его исследований далёк от привычного академизма. Частности не привлекали его внимания. Он полагал, что это сфера науки. Философия же — цельное знание. Поэтому, стремясь к завершённости, Померанц писал о двух моделях познания, о трёх уровнях бытия. Но полное знание нелегко выразить в форме рациональной рефлексии. Поэтому он чаще всего пишет эссе, тяготеет к мифо-поэтической структуре своих работ. Достоевский как писатель и философ был спутником Г.С. Померанца на протяжении многих десятилетий. Григорий Соломонович отмечал, что воображение Достоевского непременно переселялось в мучителя и жертву, и это страшный мир художника был невыносим. То, что мучило Достоевского, позже было поименовано научно — амбивалентность человеческих чувств. Но писатель путём наития нашёл чистого добра и воплотил его в князе Мышкине. У нас много специалистов по Достоевскому. Но в монографии Померанца «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» внутренний свет пробивается сквозь точки безумия героя Достоевского. В колебаниях между «идеалом Мадонны» и «идеалом содомским» обнажается внутренний строй единого ненаписанного романа.

Выбор трёх исследователей, которые внесли значительный вклад в русскую философию, может быть условен. Но можно, разумеется, назвать и другие имена. Вот, скажем, книга Р. Гальцевой и И. Роднянской «К портретам русских мыслителей». В ней собраны труды по изучению русской мысли XIX и XX веков. Эти очерки писались в течение нескольких десятилетий. В аннотации к работе сказано: «В последнее время предпринимаются попытки переоценить русской философии в сторону понижения и выведения её за круг европейского

философского и культурного развития. Задача настоящей книги — противостоять этой тенденции и показать в обновленном ракурсе многих ведущих лиц отечественного философствования. В центре книги — три блока текстов, анализирующих духовный масштаб и драматические коллизии мысли первостепенных творцов религиозно-философского ренессанса в России — В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова. Кроме того, здесь освещаются особенности умственного пути таких влиятельных фигур, как Л.И. Шестов, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Г.П. Федотов».

М.Н. Громов пытается обнаружить и проанализировать вечные ценности русской культуры. Он ищет черты самобытности, несхожести с другими культурами. Но при этом не утрачивает путеводную нить, которая позволяет размышлять и о всеобщей истории. В его исследованиях нет ни грана замкнутости, стремления противопоставить русскую культуру другим культурным космосам. Он стремится понять своеобычие русской культуры как ответвление мирового исторического процесса, общего развития мировой культуры.

– Могли бы вы назвать те основные концепты, которые вы внесли в культурологию, психологию и философию?

– В 1983 году в Монреале проходил Международный философский конгресс, посвященный философии культуры. Мне, участнику конгресса, было предложено изложить базовые проблемы этой области знания в той последовательности, как они были представлены на конгрессе. Я выполнил эту задачу¹. Философия культуры располагает огромным количеством фактов. Они описываются в русле культурной антропологии, социологии культуры, теологии культуры, этнологии, культурфилософии, истории культуры. Однако добытая противоречивая эмпирия фактов далеко не всегда проясняет метафизические проблемы. Так рождается теоретическая потребность обнаружить некое единство культурного процесса, инварианты социодинамических моделей, архетипные ситуации, закономерности повторения и преобразования постоянных компонентов культуры. В философии культуры я отстаиваю идею форумности культур, пытаюсь раскрыть мысль Н.А. Бердяева о том, что культура есть величайшая неудача.

¹ Гуревич П.С., Палева Н.Н. Философия культуры. М., 2014.

Как психолог борюсь против диктата физиологии в этой сфере гуманитарного знания. В конце XIX века в психологию пришли физиологи. Сам этот факт содействовал развитию психологии как научной дисциплины. Однако со временем в связи с успехами биологии и генетики психические процессы утратили свою автономность. Они стали рассматриваться как простой рефлекс физиологической деятельности человека. Сегодня пишут о том, что любовь — это психическое отклонение. Разгадку сновидений связывают уже не с символикой, а с деятельностью пищеварительного тракта.

Будучи философским антропологом, я посвятил ряд работ теме человеческой природы и человеческой сущности. Идея стабильности человеческой природы оказалась, на мой взгляд, подорвана изнутри. В современных исследованиях границы человеческого существа оказываются весьма условными. Человеческая природа подвергается перековке. Но сущность человека не сводится к субстанции. Она отражает экзистенциальную и онтологическую напряжённость человеческого бытия. Сущность человека в его двумерности. В обширной современной литературе о человеке можно обозначить два полюса. С одной стороны, рождается желание с гораздо большей погружённостью изучить биологическую природу человека. Это находит своё отражение в проекте так называемого нового натурализма. С другой стороны, набирает обороты тенденция, связанная с феноменом трансцендентности.

– Как вы считаете, достаточно ли у современной философии интеллектуальных сил для влияния на умы элит?

– Считаю, что философия сегодня обладает внушительной силой, влияющей на общественное сознание. Но вот её возможности диалога с элитой ничтожны. Мне кажется, что даже фундаментальная идея веберовской социологии о том, что общественная динамика обеспечивается элитой, теряет своё значение. Во-первых, о мысли В. Парето, который считал, что история — это кладбище элит. Современная элита — практически несменяема. Новая элита же рождается путём назначения. Классики социологии (В. Парето, К. Мангейм, М. Вебер) рассматривали появление новой элиты как чрезвычайно сложный и противоречивый глубокий социальный процесс. Как-то неловко снова разъяснять, одним из самых мощнейших факторов общественного развития является мобильность,

сменяемость элит. «Декаданс» элиты, — писал В. Парето, — находится в прямой зависимости от социальной мобильности, в которой она нуждается для своего обновления. Устойчивость социального свойства имеет в случае элиты тенденцию к ослаблению». Но можно ли называть элитой хунты или олигархические кланы? От элиты зависит уровень компетентности, социальной ответственности. Но сегодня экспертное знание не востребовано. Решения принимаются исходя из политической целесообразности. Можно провести различие между правящей кликой и профессиональной элитой, которая выключена из процесса принятия решений. Говоря об элите, некоторые современные исследователи называют её «социальной средой». Разумеется, это абсолютно неверно, поскольку искажает самый смысл понятия. Недавно власть продемонстрировала готовность к консервативному курсу, к возрождению утраченных ценностей. Но можно ли реализовать этот курс, выхватив из обширного наследия Н.А. Бердяева изолированную мысль о ценности консерватизма? Русский мыслитель толкует не просто о консерватизме, а о двух совершенно разных его вариантах. Политический курс, лишённый мировоззренческой оснстки, превращается в смену лозунгов. Когда современная власть призывает возродить идеологию, оно менее всего рассчитывает на учёные умы. В идеологии она, скорее всего, усматривает возможность укрепления власти, поддержания единомыслия, порядка. Но, разумеется, в моих словах нет идеализации современной гуманитарной элиты. Нетрудно представить, что общий призыв к идеологизации масс при всех благих и оправданных намерениях может обернуться черносотенными или неоязыческими манифестациями, религиозным фанатизмом, идейной неразборчивостью. «Развязывание» языков и инспирация умов неоднократно приводили к расшатыванию власти, к идейному разброду².

– Какими примерами гуманитарной лженаучности, по вашему мнению, изобилует современное знание?

– К сожалению, психология сегодня во многом утратила вкус к теории и метафизике. Огромное число научных работ в этой сфере гуманитарного знания представляют собой эмпирические исследова-

ния, которые не содержат никаких обобщений, а исчерпаются количественными распределениями полученных данных. Диссертация содержит не гипотезы, а утверждения, которые легко подтверждаются эмпирической частью. Выводы свидетельствуют о том, что после лета наступает осень, а лошади имеют обыкновение кушать овёс.

– Каково ваше отношение к философской антропологии Ф.И. Гиренка?

– Моё отношение к философской антропологии Ф.И. Гиренка положительное. При этом нет ни белой, ни серой, ни чёрной зависти. В своей рецензии на книги этого автора я писал: «Что я могу сказать об этом замечательном человеке, который выдаёт себя за бывшего кочегара, а на книжной обложке кокетливо приветствует читателей чуть приподнятой шляпой? Иронизирует, загоняет в эпатаж? Не позволяет применить жанровые критерии? Ни ту, ни другую книгу нельзя назвать монографией. Нет в ней привычного продвижения от абзаца к абзацу. Нет вообще никакой структуры. Формально изложение делится на главы. Вам мнится, будто Вы ухватились за путеводную нить, но тут оказывается, что это несоразмерное деление на главы, параграфы и пронумерованные заметки не имеет ничего общего с обычным академическим подходом к сотворению книги». Понимаю, что многих раздражает манера изложения, которую выбрал Гиренок. Он принципиально несистемен, избегает логически сцеплённых рядов мысли. Его академическая недисциплинированность обнаруживается в невероятных скачках и парадоксах. Вот он начинает определять свою философскую позицию. Неожиданно предлагает экранизировать философские тексты. Ну, разумеется, издевается над нами, когда сообщает проценты образности в текстах Гегеля и Канта. Рождаётся смутное сопротивление: кто считал? где методики? Да и вообще о какой образности идёт речь? Итак, Гегель в режиссёрской раскадровке, Платон в «крупешниках».

Гиренок рассматривает философию не как специальность, а как строй ума. Но в этом устремлении он не одинок. В.А. Подорога также отмечает, что после распада старых идеологических традиций философия обрела свободу. Но готова ли она к этой вольнице? Именно уходом в специализацию защищается философское сообщество. Сейчас, как он подмечает, сложилось множество небольших, но вполне академических групп философов, которые опираются на разные традиции философ-

² См.: Гуревич П.С., Буева Л.П., Егорова И.В. Нужна ли нам идеология? Круглый стол // Вестник аналитики. 2014. № 1 (55). С. 99–120.

ствования. В.А. Подорога тоже выступает против практики архивирования мирового философского наследия. Фёдора Ивановича упрекали в том, что он будто бы ошельмовал историю философию как область философского знания. Но ведь это нелепость. В последней своей книге Ф.И. Гиренок прослеживает историю философского постижения человека. От Платона до Бубера. От Флоренского до Делёза. Разумеется, из потока историко-философских постижений Гиренок извлекает только то, что ухватывает его воображение. Например, о том, как Платон понимал человека, можно написать немало. Но Фёдор Иванович не хочет читать греческого мудреца в подробностях. Он хочет досказывать невысказанное и охотиться за сверхсказанным. Так оказывается, что у Платона антропологическая идея — «человек-кукла». Гиренок называет такое существо, которое выжило в хаосе. Но на смену хаосу неизбежно приходит абсурд. В этих рассуждениях нет указаний на А. Камю, М. Кляйн или У. Биона. Но предложенная интеллектуальная конструкция убеждает. Ревнителю философской антропологии может показаться оскорбительным сравнение концепции Шелера со швейной машинкой Зингера. Но ведь это образное выражение вполне приемлемой мысли — Шелер связывает человека из разных форм бытия. Мне уже приходилось писать о том, что Ф. Гиренок не избежал искушения, которое обычно охватывает оригинально мыслящего философа. Создать иной стиль философствования. Преобразить современную философию, которая утратила ритм, экспрессию. Нужны иные драйвы, иной адреналин. Может быть, действительно придать философствованию элементы кинематографической образности и театральной драматургии.

– Можно ли считать русскую философию избыточным продуктом русской литературы?

– Я — не сторонник крайних, эпатажных точек зрения. Размышляя о России, исследователи порой хотят утвердить по возможности «крутую» позицию. Вот, скажем, говорят о том, что в России не было гуманизма, это будто бы европейский продукт. Заявить этот тезис нетрудно. Но нужны и аргументы. Гуманизма в предельном выражении не было не только в России, но и, судя по всему, нигде. Пожалуй, колыбелью гуманизма можно считать эллинизм, и в частности ионийское племя эллинов, с его открытостью ко всему, «что в человеке человечно», с его восприимчивостью к чужеземным влияниям, с его демократическим строем.

Метрополией гуманизма можно считать афинское народоправство, где гуманистическую окраску принимают и вероучение о богах, и героический миф. Греческая образованность на почве Рима, особенно в лице такого истолкователя и распространителя эллинских идей, как Цицерон, на все века поставила *античность* под знак гуманизма. Римский философ Цицерон говорил, связывая «античность» со словом «гуманизм», о высшем культурном и нравственном развитии человеческих задатков. После работ русского философа В.В. Иванова становится очевидным, что античный гуманизм связан с образованностью, с пайдейей. Собственно, гуманизм эпохи Возрождения менее всего соотносится с человеколюбием к обыкновенному человеку. При такой трактовке гуманизма миллионы людей оказываются за пределами гуманности. Русский гуманизм всё-таки связан с душевным миром простого человека, допустим, повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». И ещё: могут ли те философы, которые полагают, что в России никогда не было гуманизма, с такой же непримиримостью бросить вызов власти, как это сделал А.Н. Радищев. А традиционное русское сострадание к тем, кого вели на каторгу! Конечно, русская литература (Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов) предельно философична. Для раскачки мысли можно позволить себе многое. Фёдор Иванович Гиренок пишет, что русские никогда не любили человека. Этот вывод интересен только поворотом мысли, но точен ли он? И далее: «Русская философия возникает за пределами философии. Она с самого начала показывает свою связь с литературой». Это, разумеется, справедливо. Но не хочется всё-таки принижать русскую философию, а ведь слово «избыточный» предполагает именно необязательность русской философской мысли. М.М. Бахтин собственные философские идеи был вынужден излагать в работах, связанных с поэтикой. Но мне кажется доказательным давнее утверждение Э.Ю. Соловьёва о том, что, если бы работы М.М. Бахтина были известны в своё время на Западе, это во многом преобразило бы европейское развитие феноменологии. Размышления В.С. Соловьёва о всеединстве, Н.А. Бердяева о космической сущности человека, о вихревой антропологии Достоевского, Б.П. Вышеславцева — о возможности негативной антропологии и множество других философских идей свидетельствуют об увлечённости русских любомудров пучинами философской рефлексии.

– Какими крупными именами и идеями представлена сегодня отечественная культурология?

– Снова назову имя Г.С. Померанца. Его работы — «Выход из транс» (М., 2010), «Великие религии мира» (совместно с Зинаидой Миркиной, М., СПб., 2012), «Страстная односторонность и бесстрашие духа» (М., СПб., 2014) — истинная энциклопедия культуры, её истории, её величия. Его идеи о трёх уровнях бытия и о двух моделях познания открывают новые горизонты изучения культуры. Продолжается издание работ выдающегося историка Арона Яковлевича Гуревича. Его борьба против позитивизма в истории и культурологии, его концепции менталитета, разности культур также важны для развития культурологии. Нельзя не назвать Светлану Яковлевну Левит с её неустанной просветительской деятельностью в области культурологии. Подготовленные и изданные ею два тома Энциклопедии «Культурология» — титанический труд.

– Какой из философов, на ваш взгляд, оказал самое негативное влияние на развитие мировой философии?

– Не приемлю саму постановку такого вопроса. В истории философии многим мыслителям приписывалась злая роль совратителя, порчи любознательности. Какими только ругательствами не наградили Гегеля Артур Шопенгауэр. Одно дело упрекать его в отсутствии серьёзности и честности исследования, а другое — объявлять «писания» Гегеля лекарственными и на этом основании держать их в аптеках как психически рвотное. Как вам, к примеру, такая характеристика Гегеля: «плоский, бездарный, отвратительно-противный, невежественный шарлатан, с беспримерной наглостью размазывающий нелепицу и бессмыслицу, которые были выданы его приверженцами за бессмертную мудрость и на самом деле приняты за таковую дураками, благодаря чему образовался столь полный хор восхищения, какого никогда прежде и слышано не было». При всём желании этот пассаж невозможно представить как своеобразную полемику. Философия, как и человеческая природа, открыта для невероятных преобразований. Она всегда находится в авантюре бесконечного пересотворения. Где же искать критерий, чтобы провести демаркацию между «правильной» и «неправильной» философией? Когда-то считалось, что рассуждения Шопенгауэра и Ницше о ненормативной этике наносят колоссальный

ущерб всей многовековой нравственной традиции. Однако после экзистенциальной рефлексии эти положения оказались весьма продуктивными и ответственными. Утверждалось, что великие немецкие идеалисты Фихте, Кант, Гегель с завидной глубиной раскрыли тайны одухотворённой мысли. Но, как известно, «новые философы» во Франции предъявили им гамбургский счёт. Им эти авторы вменили похоть познания и власти. И это уже не частная экспертиза. По мнению «новых философов», классики нанесли огромный вред философии. Из-за их грозного, губительного соблазна веры в идеи сложился современный идеологический диктат, который поверг европейское человечество в бездну тоталитаризма и авторитаризма. Макс Нордау — блестящий философствующий публицист начала прошлого века Он пишет: «Ницше действительно оригинален, только когда он беснуется, потому что в этом случае его изречения ни содержат ни смысла, ни даже бессмыслицы, а поэтому их нельзя привести в связь с тем, что до него продумано и высказано. Но когда в его словах сквозит хотя бы искорка смысла, мы тотчас же убеждаемся, что они заимствованы из запаса чужих парадоксов и банальностей»³.

Характеризуя Ницше как психопата, Нордау порой демонстрирует не только резкость, но и остроумие. «Некоторые поклонники Ницше, — отмечает он, — не отрицают, что он сумасшедший, но они говорят, что он сошёл с ума, потому что чуждался людей, слишком долго жил в полном одиночестве и мыслил слишком быстро и лихорадочно. Эту нелепость подхватили все немецкие газеты, и между ними не нашлось ни одной, которая сумела бы разъяснить своим читателям, что сумасшествие никогда не бывает следствием одиночества и чрезмерной мозговой деятельности, но что, наоборот, стремление к одиночеству и непомерно быстрая умственная работа являются первоначальными признаками уже существующего помешательства, — словом, что упомянутая болтовня сторонников Ницше соответствует заявлению, будто бы человек схватил чахотку, потому что много кашлял и харкал кровью»⁴. Кто знает сегодня про Нордау? Но постмодернистам удалось выявить невероятные глубины ницшеанской мысли.

Аристотелю казалось, что учение Платона об эйдосах закрывает горизонты философии, рождает

³ Там же. С. 273.

⁴ Там же. С. 280.

недоразумение. А что говорят современные трансперсоналисты о самом Аристотеле? Они упрекают его в том, что тот сковал развитие естествознания, поскольку любой учёный, который обсуждал в европейской традиции природу естественной реальности, не мог промолвить ничего ценного, не прибегая к авторитету Аристотеля. Выходит, античный мудрец нанёс вред развитию натурфилософии, перекрыл иные, неаристотелевские ходы мысли в постижении природы.

Мне довелось писать рецензию на книгу «О правелгать». Участники дискуссии спорили о смысле работы Канта «О недоступности лжи даже из человеколюбия». Меня поразило отношение к Канту многих коллег. Его в этой дискуссии буквально развенчали, разлампасили и в известной степени оболгали. Большая часть выступающих оценивала его как перезрелого руководителя кафедры, который уже не по праву занимает эту должность. Его критиковали с точки зрения обыденного повседневного видения мира, здравого смысла, логической неувязки, концепций, рождённых в последующие времена, неприемлемости для житейской практики. Канту вчинили доктринёрскую слепоту, инерцию усталого ума. Его аттестовали как виртуозного хитроумца. О нём говорили, что «он не видит», «не замечает», «не понимает». Его обозвали «идеалистом в самом плохом смысле этого слова» (меня бы кто-нибудь так оскорбил!)⁵. Его обвинили в пособничестве к убийству. Канта изобразили как фанатика, полубезумного ревнителя правды, готового отдать на заклятие жену и детей, которых у него не было.⁶

А сфере искусства? Не зря Г. Данелия сострил «Если бы первым секретарем Союза художников Италии избрали Леонардо, его первый указ был бы об изгнании к чёртовой матери Рафаэля и Микеланджело — чтобы духу их не было, чтобы кисточки им не продавали, чтобы ни одного заказа этим мерзавцам! Выпереть из пределов Флоренции и забыть!» М. Нордау резко критикует английского поэта А. Суинберга. Он, по мнению французского психиатра, заимствовал у Бодлера демонизм и садизм, половую развращённость и пристрастие к

страданиям⁷. Это и есть, согласно его словам, признак сумасшествия. Они — безумцы, отщепенцы от разума. Но вот С. Жижек полагает, что именно приверженность строгой мыслительной логике и «возвышенной» этической позиции является порождением насилия. Он называет Канта и маркиза де Сада «идеальной парой»⁸. Именно Кант во всеоружии своей рассудочности, по мнению Жижека, обеспечил несдержанное потакание насилию, которое сопряжено с удовольствием.

Разумеется, эти примеры не избавляют философов от субъективных оценок, полемических передержек. Но это иная статья. Развивая собственную идею, можно вознегодовать на другого мыслителя за то, что он думал иначе. В этом случае известное название книги «Иного не дано» станет поводёрём для разоблачения чужих рефлексий и их пагубной роли для философии в целом.

– Разделяете ли вы современную философию трансгуманизма? Какие опасности влечёт за собой увлечение философией «смерти человека»?

– Современную философию трансгуманизма не разделяю. Само представление о том, что в нынешней философии есть традиционалисты и инновационисты, считаю ошибочным. Предполагается, что всё многообразие философских позиций можно свести к этой контрверзе. Это непозволительно. Сам сюжет о радикальном преобразении человеческой природы является расхожим для философии. В мистической духовной традиции речь шла о радикальном изменении человека как особого рода сущего. Отмечалась пластичность человеческой природы, выявлялись возможности его возвышения. Мисты даже полагали, что человек приговорён к преобразению. Ему не избежать этой участи. Но при этом речь шла о духовном просветлении человека, об устремлении к истоку человеческого существования. Этот процесс мыслился как акт нравственного напряжения, предельной духовной концентрации. Другой путь к подъёму до уровня божественного просто не трактовался. Даже освобождение от грешной плоти представлялось не как событие внешне-го воздействия, а как наведение мостов между земным и небесным. Но в современном трансгу-

⁵ Вспоминается фраза из советского анекдота: «Он написал идеологически вредный труд и сел в самом плохом смысле этого слова».

⁶ Гуревич П.С. Лгать или не лгать — вот в чём вопрос // Филология: научные исследования. 2012. № 3 (07). С. 38–56.

⁷ Нордау М. Вырождение. М., 1995. С. 214.

⁸ Slavoy Zizek. Kant and Sade: the Ideal Couple // Lacanian Ink. N.Y., 1998. № 13. P. 12–25.

манизме во главу угла ставится не духовность, а комфортность человеческого существования, его отпадение от божественной природы. Разве Н.А. Бердяев не видел угрозы в том, что всякое принижение или отрицание человеческой природы оказывается отрицанием тайны Христовой, тайны двуединства, богочеловечности. Христианская мысль тоже связана с просветлением и обожением человеческой природы изнутри. Но эта немислимая трансформация человека в трансгуманизме воспринимается как чужеродная. Американский культуролог Льюис Мамфорд писал о том, что у самых истоков человеческая история имела разные векторы, разные варианты. Наши предки могли развивать биологическую природу. Она обладает особой пластичностью, готова к пересотворениям. Так существовала возможность биологической цивилизации. Человечество могло бы устремиться к духовному совершенствованию, развивать присущее ему трансцендентное чувство. Третий вариант связан с созданием орудий труда, возникновением феномена техники и последующим возникновением технического общества. Трансгуманизм, судя по всему, логическое следствие третьего сценарного варианта. Он является результатом неизбежного отчуждения техники, превращения её в средство преобразования мира. Это путь внешнего воздействия на человеческую природу. Поэтому трансгуманизм связан не с развитием человека, а с идеей сотворения нового существа. Это может быть гибрид машины и потомка Адама — киборг, кибернавт. Это может быть также некий нейрочеловек. Это может быть также некий продукт геномной модификации. Но правомерно ли вообще говорить о трансгуманизме как философии? Между тем смыслом, который содержит это слово в «Божественной комедии» и современным толкованием — огромная дистанция. Трансгуманизм — не философия, а технологический проект. Для обоснования своей правомочности как философской идеи, трансгуманисты используют материал, который по своему смыслу расходится с самим проектом. Сила философии в мощи её остережений. Весь опыт философской рефлексии учит: не всё, что возможно, должно быть реализовано, воплощено. Нет слов, наука открывает возможности модификации человека. Но есть ли гарантии, что это не станет погубителью для человечества? Таких гарантий нет. Общее прогрессистское воодушевление подменяет серьёзную философскую экспертизу. Не явится ли

кадавр результатом перестройки человека по лекалам техники? Не превратится ли приобретение новых задатков в процесс распространения раковых метастазов? А вдруг произвольных набор клеток обнаружит убийственную жизнеспособность? Не освободятся ли они от всяких генетических команд? Не выйдет ли развитие живого мира из-под контроля человека? Наконец, не является ли весь этот проект выражением пока ещё скрытой устремлённости человека к гибели? О каких ещё опасностях можно вести речь, если нам предложена философия «смерти человека»? Убить себя, чтобы преобразиться в новое, ранее неизвестное создание. Опасная и безрадостная перспектива! Грозные провозвестия. На формирование философии трансгуманизма оказала огромное влияние потребительская психология. До какой метафизической нищеты доходят энтузиасты переделки человека! Вот один из ведущих генетиков страны рассуждает о том, что в будущем каждый человек получит генетический паспорт, который позволит ему выбрать спутника жизни не по любовному произволу, а по совмещению генов. А вот восторженная журналистка завершает беседу с ним: «Если генетика способна улучшить фенотипические данные растений, то недалёк, видимо, тот день, когда и улучшение человеческой «породы» будет обычным делом? Все люди станут одинаково красивыми, умными, доброжелательными. Можно будет «задавать» будущему ребёнку цвет глаз, склонность к науке, творчеству или спорту — по выбору родителей или госзаказу. Или это пока фантастика?» Сколь элегантно в этой беседе классическое понятие человеческой природы подменено другим словосочетанием — «человеческая порода».

– Возможен ли, на ваш взгляд, антропологический поворот не к человеку, а от человека (например, в перспективе сверхчеловека или киборгизации)?

– Если человек замещён машиной, превращён в существо иного порядка, то следует расстаться с понятием философской антропологии. Это будет поворот, но не антропологический, а другой. Многие исследователи пришли к убеждению, что последовательные критические расчёты с декартовской концепцией субъекта и субъект-объектной когнитивной парадигмы приводят к радикальной постановке вопроса о статусе философской антропологии. Новая «герменевтика субъекта», казалось

бы, открыла неожиданные перспективы философского постижения человека. Однако, в конечном счёте, сообщество осталось вообще без субъекта. Оно покрылось сетью сингулярностей. Так шаг за шагом подвергся радикальному переосмыслению предмет философской антропологии. В результате радикальной зачистки оказались устранёнными прежние концепции личности, её конструкции, её идентичности. Деконструкция «ктожности» выбила из оснований философской антропологии её державный предмет — человека. Так философская антропология трансформировалась в антиантропологию, в последовательное разоблачение всех её устоев⁹.

– Могли бы вы согласиться с метафорой В.А. Кутырёва о том, что сегодня проект «Человек» мёртв, но ещё не похоронен?

– Эту метафору принимаю. Разве проницательные мыслители прежних веков не писали о деградации человека? Макс Нордау считался эксцентричным мыслителем. Но вот что он написал в книге «Вырождение» (1894) в качестве прогноза на будущий век: «Половая психопатия в самых различных своих проявлениях до такой степени усилится и распространится, что придётся подумать о соответственном пересмотре нравов и законодательства. Число людей с извращённым половым чувством настолько увеличится, что они образуют в палате депутатов отдельную партию и проведут закон, разрешающий лицам одного пола вступать в брак». Разве этого не случилось? Вспомним работы Эриха Фромма о больном обществе, в котором любовь станет рыночным продуктом, а ложные потребности заменят обычные, человеческие. Сбылось ли реченое? Неужели слишком пристрастен Патрик Дж. Бьюкенен, который в книге «Смерть Запада» отмечает: «Древний триумvirат «мир, плоть, дьявол» не только извлечён из небытия, но и усиленно пропагандируется рекламными агентствами»¹⁰. Не чума и не война, рассуждает он, уничтожает белую расу, а потребительское отношение к жизни: люди хотят наслаждаться, а не воспитывать детей. А массовая инфантилизация общества?.. Сколько вокруг «взрослых детей» с

убогим мышлением и жадной удовольствий. Журналисты радуются тому, что исчезает, наконец, самобытное творчество и замещается анонимным потоком информации. «Рейтинг», то есть списывание, оказывается вершиной журналистского творчества. И это в то время, когда рождается предостережение: «Информации много, а смысла мало». Может быть, всё это возвешение новой цивилизации, которую мы в силу ретроградного мышления отвергаем, не осознавая тех благ, которые она несёт человечеству? Нет, скорее всего, это какой-то завораживающий данс макабр. Так называли похоронный танец смерти. Согласно средневековому обычаю, живые плясали на могилах, имитируя пляску мёртвых.

– Какой бы смысл вы вложили в такую дисциплину, как «философская мизантропология»? Насколько вообще состоятелен мизантропологический проект в истории человечества?

– Повторим вслед за Пушкиным: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Мизантропология оправдана как протест против многовековой идеализации человека. И здесь, судя по всему, уместны слова Гамлета: «Какое чудо человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! В поступках как близок к ангелу! В воззрениях как близок к Богу! Краса Вселенной! Венец всего живущего!» Да разве Гамлет восхищается человеком! Строчки облиты горечью. Ещё чуть-чуть и он мизантрополог...

Идея вывернутой антропологии не нова. У Декарта находим гипотезу «злого Демона». Чтобы показать совершенство Бога надо противопоставить ему злонравие человека. Кант тоже писал об испорченности человека. Он доказывал всеобщность склонности ко злу среди людей, потому что зло, по его словам, переплелось с человеческой природой. Злонравие человеческой природы, писал он, есть не столько злость в строгом смысле этого слова, как настроенность... принимать в качестве мотива в свою максиму зло как злое (ибо это дьявольское намерение), сколько извращение сердца, что мы, по следствиям этого также называем злым сердцем.

Мы можем даже сказать, что обоснование мизантропологии дал Б. Вышеславцев. Разрабатывая проект «негативной антропологии» (по сути дела мизантропологии) он ссылаясь на тот факт, что существует негативная теология, хотя Бог соверше-

⁹ Анализ данной тенденции, деантропологизации философского знания посвящен сборник «Спектр антропологических учений», а также моя монография «Философская интерпретация человека» (М., 2013).

¹⁰ Бьюкенен Патрик Дж. Смерть Запада. М., 2004. С. 68.

нен. Может существовать и антропология, которая указывает на последнюю тайну человека, то есть отнюдь не совершенство человека¹¹

В числе великих мизантропов — Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Джонатан Свифт, Франц Кафка...

– Редуцируема ли философия как интеллектуальная практика к психопатологии? В каких сферах современная философия осуществляет эмансипацию человека?

– Нет, не редуцируема. Классическая философская антропология изучала человека как носителя нормы. Этот проект, по мнению постмодернистов, потерпел фиаско. Психоанализ показал, что невротик и психопат дают обширный материал о подлинном человеке, о его сути. Экзистенциалисты убедили всех в том, что человек предельно интересен, когда он захвачен страстями и готов к трансгрессии. Николай Бердяев заговорил о «вихревой антропологии», которая пытается понять человека, обуянного предельными эмоциональными состояниями. Возникает соблазн раскрыть изнанку человека, нечеловеческое в нём. И здесь нашли друг друга физиологи, психиатры и постмодернисты. После того, что физиологи попытались поставить психологию на «научную почву», возникло бессознательное стремление устранить человеческую субъективность, свести её к реактивной деятельности мозга, центральной нервной системе. Л.С. Выготский своевременно увидел в этом грозную опасность: как бы физиология не устранила психологию. Этот «вывих сознания» действительно оказался рискованным. В наши дни любую психическую реакцию пытаются свести к мозговым процессам. Однако мозг человека подвергся суровой экспертизе. Сначала А. Кёстлер заявил, что «творческая способность и патология — две стороны одной и той же медали, отлитой в тигле эволюция»¹². Разъясняя смысл своих выводов, Кёстлер заявил, что эволюция похожа на лабиринт со множеством тупиков, и нет ничего удивительного и невероятного в допущении, что природная оснастка человека, как бы она ни превосходила экипировку других биологических видов, тем не менее содержит какую-то ошибку, какой-то про-

счёт в конструкции, предрасполагающий человека к самоуничтожению. Теперь вот Гари Маркус в книге «Несовершенный человек» рассуждает о случайности в эволюции мозга и её едва ли исправимых последствиях. Вывод: человек вообще ущербное создание. Теперь к проблеме человека в основном подходят с позиции патологии. Обнажается изнанка человека. Результаты суровы: вместо разума, его вселили обнаружили безумие (М. Фуко, Ф. Гиренок). Укрепление социальности обернулось асоциальностью и аутизмом (Ю. Бородай, Ф. Гиренок), абсурд сменил логику (А. Камю). Теперь душевный мир рассматривают в основном психиатры. Сложилось множество терминов, которые квалифицируют любое состояние человека как психиатрическое. Нарботано много ярлыков, которые отражают миф о душевной болезни. Напряжение ума начали трактовать в духе намечающегося сумасшествия. О воображении как человеческом даре стали писать только в русле болезненных фантазий¹³.

Подлинная эмансипация человека может быть реализована в рамках философской антропологии. Но её следует освободить от тех крайностей, которые были названы в нашей беседе.

– Где, на ваш взгляд, проходит принципиальная грань между психопатологией и психиатрией? Какова роль в этом соотношении антипсихиатрического направления?

– Экспансия психиатрии, её стремление на монополию в вопросах психического здоровья людей имеет печальные последствия. Появилось множество терминов, которые характеризуют как отклонение или заболевание едва ли не любое психологическое состояние человека. Смешиваются границы нормы и патологии. Психиатры заявляют, что они ориентированы на проблему душевной болезни и душевного здоровья. Но многие исследователи полагают, что таких феноменов просто нет. Я разделяю эту точку зрения в своей исследовательской работе по психоанализу¹⁴. Антипсихиатрическое направление считаю продуктивным и перспективным. Нужны основательные усилия, чтобы потеснить психиатрию в тех сферах, где она менее всего правомочна.

¹¹ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. Что такое я Сам? М., 2002. С. 68.

¹² Там же.

¹³ Об этом более подробно в моей книге «Психоанализ личности» (М., 2012).

¹⁴ Гуревич П.С. Психоанализ: В 2-х тт. М., 2013.

Список литературы:

1. Бьюкенен Патрик Дж. Смерть Запада. М., 2004.
2. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. Что такое я Сам? М., 2002.
3. Гуревич П.С. Антропологические и эстетические идеи Федора Гиренка // Филология: научные исследования. 2012. № 1 (05). С. 31–40.
4. Гуревич П.С. Лгать или не лгать — вот в чём вопрос // Филология: научные исследования. 2012. № 3 (07). С. 38–56.
5. Гуревич П.С. Психоанализ личности. М., 2012.
6. Гуревич П.С. Психоанализ: В 2-х тт. М., 2013.
7. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. М., 2013.
8. Гуревич П.С., Буева Л.П., Егорова И.В. Нужна ли нам идеология? Круглый стол // Вестник аналитики. 2014. № 1 (55). С. 99–120.
9. Гуревич П.С., Палеева Н.Н. Философия культуры. М., 2014.
10. Кутырев В.А., Нилогов А.С. Pro et contra инновационизма: за сохранение антропоморфной реализации возможных миров // Философия и культура. 2014. № 2 (74). С. 180–189.
11. Кутырев В.А., Нилогов А.С. Об экспансии высоких (постчеловеческих) технологий, её перспективе, их творцах и жертвах // NB: Философские исследования. 2014. № 1. С. 164–202. (URL: http://e-notabene.ru/fr/article_10676.html).
12. Нордау М. Вырождение. М., 1995.
13. Спектр антропологических учений. Выпуск 5 / Отв. ред. П.С. Гуревич. М., 2013.
14. Спектр антропологических учений. Выпуск 6 / Отв. ред. П.С. Гуревич. М., 2014.
15. Slavoy Zizec. Kant and Sade: the Ideal Couple // Lacanian Ink. N.Y., 1998. № 13. P. 12–25.

References (transliteration):

1. B'yukenen Patrik Dzh. Smert' Zapada. M., 2004.
2. Vysheslavtsev B.P. Etika preobrazhennogo Erosa. Chto takoe ya Sam? M., 2002.
3. Gurevich P.S. Antropologicheskie i esteticheskie idei Fedora Girenka // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2012. № 1 (05). S. 31–40.
4. Gurevich P.S. Lgat' ili ne lgat' — vot v chem vopros // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2012. № 3 (07). S. 38–56.
5. Gurevich P.S. Psikhoanaliz lichnosti. M., 2012.
6. Gurevich P.S. Psikhoanaliz: V 2-kh tt. M., 2013.
7. Gurevich P.S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka. M., 2013.
8. Gurevich P.S., Bueva L.P., Egorova I.V. Nuzhna li nam ideologiya? Kruglyi stol // Vestnik analitiki. 2014. № 1 (55). S. 99–120.
9. Gurevich P.S., Paleeva N.N. Filosofiya kul'tury. M., 2014.
10. Kutyrev V.A., Nilogov A.S. Pro et contra innovatsionizma: za sokhranenie antropomorfnoi realizatsii vozmozhnykh mirov // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 2 (74). S. 180–189.
11. Kutyrev V.A., Nilogov A.S. Ob ekspansii vysokikh (postchelovecheskikh) tekhnologii, ee perspektive, ikh tvortsakh i zhertvakh // NB: Filosofskie issledovaniya. 2014. № 1. S. 164–202. (URL: http://e-notabene.ru/fr/article_10676.html).
12. Nordau M. Vyrozhdenie. M., 1995.
13. Spekr antropologicheskikh uchenii. Vypusk 5 / Otв. red. P.S. Gurevich. M., 2013.
14. Spekr antropologicheskikh uchenii. Vypusk 6 / Otв. red. P.S. Gurevich. M., 2014.
15. Slavoy Zizec. Kant and Sade: the Ideal Couple // Lacanian Ink. N.Y., 1998. № 13. P. 12–25.